

УДК 94(437) “1917”
Зоя НЕНАШЕВА¹

ЧЕХИ В РОССИИ МЕЖДУ ДВУХ РЕВОЛЮЦИЙ: МЕЧТЫ, ИЛЛЮЗИИ И РЕАЛЬНОСТЬ

Аннотация. В статье автор рассуждает об основных тенденциях в развитии чешского освободительного движения в России в 1917 г. и останавливается прежде всего на влиянии первой революционной волны на трансформацию характера чешской заграничной акции. В центре его внимания оказалась фигура Т.Г. Масарика, учитывая тот факт, что на протяжении почти десяти месяцев он непосредственно наблюдал за сложными перипетиями в жизни страны. Анализ событий и процессов позволил сделать вывод, что обаяние от Февральской революции у “русских чехов” и военнопленных в лагерях было очень быстро преодолено необходимостью решения более важной прагматичной задачи – реализации главного на тот момент проекта: создания чешской национальной армии в лице Чешско-Словацкого корпуса. Радикальные перемены Октября обусловили целесообразность не только соблюдения ключевого принципа невмешательства в “русские дела”, но и политической и военной переориентации на Францию.

Ключевые слова: русские чехи, военнопленные, Т.Г. Масарик, революционность, Чешско-Словацкий корпус.

Изучение истории российской революции и такого её теоретического аспекта как революционность приобрело особую актуальность в последние годы. Если говорить об исследовательской панораме в ретроспективе, то, пожалуй, больше всего отражают уровень интереса к этой проблематике чехословацкая, современная чешская историография и отечественная богемистика. В то же время именно они несут на себе все идеологические наросты второй половины XX века.

Следует согласиться с точкой зрения известного чешского историка Вратислава Доубека, который в одной из статей говорит о “взаимосвязи между разными измерениями революционности – чешским, чехословацким и глобальным” [Доубек, 2016: 83–84]. В данном случае этот тезис можно уточнить. Исследование процессов, проходивших в Российской истории, приводит к мысли, что на революционность чехов заметное влияние оказывало развитие событий на этом обширном пространстве.

Уже убедительно доказано, что сам Томаш Гарриг Масарик, впоследствии первый президент Чехословакии, не сразу пришёл к позитивной оценке “революционных средств как легитимного инструмента для достижения политических целей”. Не только в начале своей карьеры, как пишет В. Доубек, но и позже, причём до-

© Ненашева Зоя Сергеевна – к.и.н., доцент кафедры истории южных и западных славян исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова. Адрес: Москва, Ломоносовский пр-кт, 27. E-mail: slav-ca@yandex.ru

вольно длительное время он однозначно отрицал революцию. Заметная корректировка в его взглядах произошла лишь в результате анализа российских событий – при анализе хода революции 1905–1907 гг. Тогда он ввел понятие “реформаторская революция”. Тем не менее революция была моделью, далёкой от его политических идеалов.

Известно, что “российская карта” в деле реализации идеи чешской государственности стала учитываться у “русских чехов” при построении их политических концепций с началом Первой мировой войны [Ведерников, 2016: 138]. Осенью 1914 г. она оказалась наиболее существенным и постоянным фактором военных планов у чешских колонистов. При этом взгляды самого Масарика на роль России в ходе Великой войны много раз корректировались.

Что касается событий 1917 г., то этот “творец демократии”, “знаток России” [Опат, 2003: 276, 514] оказался в гуще революционных событий в буквальном смысле слова. Вопрос состоит в том, был ли он крайне заинтересованным наблюдателем или же непосредственным их участником. В этой связи можно привести очень интересное высказывание биографа Масарика Ярослава Опата. Он считал, что революции в России были серьёзнейшим экзаменом способностей чешского деятеля ориентироваться и, самое главное, принимать решения в сложных, быстро меняющихся обстоятельствах.

Широко известно, что он приветствовал Февральскую революцию 1917 г. Упоминание о его телеграммах из Лондона 18 марта председателю Государственной думы М.В. Родзянко и особенно своему довоенному другу Павлу Николаевичу Милюкову фактически содержится во всех трудах, посвящённых изучению этого периода. В обращении к Милюкову после слов о “прекрасной русской революции”, акцент был сделан на то, что она является шагом вперед на пути обретения чехами независимости, поскольку был нанесен “смертельный приговор иезуитскому государству Австро-Венгрии, злейшему врагу всех славян” [Чешско-Словацкий..., 2013: 451]. Здесь же было в общих чертах изложено его видение государственного устройства послевоенной Европы с учетом справедливых национальных идеалов.

Опат указывает, что Масарик “хотел быть в эпицентре событий”. С этим утверждением можно и согласиться, учитывая, что конец весны 1917 – лета 1918 г. он был в России. Вместе с тем этот тезис уважаемого историка можно поставить под сомнение, принимая во внимание, что вопрос о поездке решался задолго до революции, а сам визит преследовал иные цели. Ведь вплоть до февраля 1917 г. в Российской империи он был нежеланным гостем. Об этом свидетельствуют архивные материалы. На запрос в МИД начальника Петроградского военного округа об ожидаемом нелегальном приезде Т.Г. Масарика в Россию осенью 1916 г. товарищ министра иностранных дел А.А. Нератов ответил, что считает его “несвоевременным по политическим соображениям” [Чешско-Словацкий..., 2013: 560–561]. Причем посольствам в Лондоне и Париже были отосланы телеграммы соответствующего содержания. Об отрицательном отношении к встречам с Масариком военных властей было подтверждено и специальными телеграммами от 8 декабря 1916 г. [Чешско-Словацкий..., 2013: 562–563].

С одной стороны, настойчивость чешского лидера, с другой – быстро менявшаяся обстановка – “прекрасная революция” в Российской империи изменили ситуацию. Масарик отбыл из Лондона 5 мая и через Стокгольм прибыл в Петербург в ночь с 15 на 16 мая. Изначально он хотел остаться здесь на несколько недель [Masa-

рук, 1925: 155]. Драматическое же развитие событий потребовало, чтобы он задержался в России почти на десять месяцев. Что касается подробностей его пребывания в России, то хорошо известны маршруты его поездок, график выступлений перед чешскими и словацкими добровольцами, военнопленными и многое другое. При этом до сих пор остается не до конца ясно, с каким кругом российских политиков и общественных деятелей, друзей и старых знакомых он тесно общался, дискутировал. Исследователи в данном случае оперируют данными, которые привел Масарик в воспоминаниях. [Мировая революция. Т.1 1926: 150–151]. Имеются в виду новый министр иностранных дел М.И. Терещенко, премьер-министр Г.Е. Львов, лидеры политических партий, университетские и академические коллеги, с которыми он был знаком лично или по переписке еще до начала войны. Между тем до сих пор не обнаружены материалы наблюдения за ним со стороны полиции, а о том, что оно велось, как это было с его коллегой Миланом Растиславом Штефаником, вряд ли можно сомневаться.

Что касается “русских чехов”, то они прошли долгий путь в своём политическом и организационном строительстве. В начале 1917 г. в их официальных обращениях все также настойчиво звучала идея восстановления “самостоятельной Чехии”. Как признанные лидеры, так и активисты на местах по-прежнему обращались “к премудрому правительству” всеми “обожяемого государя императора”, “великому народу” России с призывом продолжить войну до победного конца во имя лучшего будущего славянства¹.

Между тем после февральских событий резко меняется как содержание понятия “самостоятельная Чехия”, так и роль российского государства в представлениях массы военнопленных. Об этом свидетельствует огромный массив документов, хотя бы телеграмм, направленных в адрес МИД и лично министра Н.Н. Покровского², а затем П.Н. Милюкова после получения им поста министра иностранных дел в составе Временного правительства. В послереволюционные дни офицеры и солдаты, находившиеся в самых разных местах огромной империи, спешили сообщить о своей готовности работать на благо России как великой славянской державы и славянства³. Для них лозунг “Да здравствует свободная Россия и свободное славянство” был вполне органичен и понятен. Причем они воспринимали политическую независимость “Чешско-Словацких земель” и сближение их с освободительницей

¹ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 1. На наш взгляд, массив документов этого дела показывает географию политически активных организаций военнопленных чехов и словаков в России.

² Показательна сопроводительная записка М.Р. Штефаника, который срочно, “частным образом”, направил одну из телеграмм Н.Н. Покровскому. По его мнению, она наиболее четко характеризовала отношение военнопленных к “Чешско-Словацкому национальному совету” еще во времена “разъединяющих стремлений старого режима”. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л.4. Рукопись. Подпись Штефаника. Текст телеграммы был подготовлен в Киеве 26 февраля 1917 г. В ней говорилось о “полном доверии” со стороны пленных “Союзу чешско-словацких обществ в России” (уже без дефиса. – **З.Н.**).

³ Примечательно, что текст телеграммы из Киева лег в основу других сообщений, подтверждающих желание военнопленных “под сенью русских знамен добыть своему народу свободу”. См., например, телеграммы от 93 пехотных офицеров, находящихся в плену в Болхове, от Саратовского отдела всероссийского попечительства о пленных славян. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 6–7.

славян – Россией, “с её династией и народом”¹ – как взаимосвязанные, взаимно обусловленные явления.

В свою очередь, “горечь отчаяния” они испытывали от безотрадного положения своих дел в этой стране, прежде всего от раскола в руководстве чешско-словацкого освободительного движения. Выход же состоял в том, чтобы вся заграничная деятельность чехов и словаков была объединена под началом Чешско-Словацкого национального совета в Париже во главе с Масариком. В России же следовало создать его особый отдел при участии “Милана Павловича Штефаника”, личная безупречность и “славянское сознание” которого было доказано всей его деятельностью².

В течение февраля – марта все настойчивее звучал мотив об освобождении чехов и словаков и “восстановлении” их суверенного государства. Причём Милюков рассматривался как гарант, как политик, который, просто обязан был “признать демократический чешский народ союзным”, освободить военнопленных славян для работ в тылу и разрешить создание чешско-словацкого войска³.

Однако буквально в течение нескольких недель меняется характер рассуждений, мотивация действий у чехов, ориентированных на политику. Растут претензии к новой власти. Возможность достижения полной самостоятельности и получения свободы становится настолько желанной⁴, что за словами “почтительно требуем” на первый план выдвигается крайне жестко сформулированная программа конкретных действий. Временное правительство должно было обеспечить передачу всей полноты власти “Чешско-Словацкому национальному совету” в Париже⁵. В 20-х числах марта, как будто под диктовку, направляется ворох телеграмм, порицающих деятельность буквально всех “старых” активистов чешского национального движения в России⁶.

Вновь заявившие о себе деятели подчёркивали, что чехи фактически “переживают свою революцию”. Особенно чутко реагировали на процессы, проходившие в империи, студенты и молодёжь. Для них лозунги “Да создаст свободная Россия свободную Чехию”, “Да здравствует свободная Россия, покровительница свободной Чехии” казались вполне естественными и логичными⁷. От революционной России требовалось передать руководство чешско-словацким движением исключительно в руки заграничного органа. В этом случае поражает слаженность действий большого числа инициативных групп военнопленных в лагерях, на производстве, в

¹ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л.4 об.

² АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л.4 об.

³ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 8 – 9. Киев, 12.3.1917.

⁴ Об этом свидетельствуют, в частности, содержание телеграмм от “граждан будущего Чешско-Словацкого государства”. Там же. Л. 21 и др.

⁵ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 12–12 об. Из имеющегося массива документов можно привести телеграмму из Царицина, в которой говорилось, что лишь Парижский орган и его председатель проф. Масарик являются “верховным политическим органом чешско-словацкого заграничного движения”. Только политическая деятельность Масарика, Бенеша и Штефаника “движется исправной дорогой, направленной к достижению национальной цели: самостоятельности земель чешско-словацких”.

⁶ Внимательное знакомство с материалами этого дела наводит на мысль, что это была хорошо спланированная и весьма результативно проведенная акция. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 12–91. Надо иметь в виду, что все телеграммы подписаны.

⁷ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 19. Телеграмма из Сумм, подписанная группой студентов различных учебных заведений; л. 29. Телеграмма из Николаева.

сельском хозяйстве и гражданского населения чешского происхождения (от г. Ишима Тобольской губернии до прифронтовой зоны), разбросанных по огромной территории империи.

Между тем русские военные, в руки которых переходило решение вопроса о чешско-словацком войске, акцент по-прежнему делали на освободительной миссии России. Так, командующий Чешско-Словацкой бригадой полковник Троянов полагал, что “с падением царизма устранено последнее препятствие к признанию всем Западом бескорыстной освободительной тенденции русского народа”¹.

Однако за сменой власти в России заметной трансформации у чешских лидеров политического инструментария не произошло. Все также были востребованы сложившиеся за несколько лет механизмы. Таким не раз проверенным орудием оставалось обращение в высшие правительственные сферы. Ведь, несмотря на изменившуюся ситуацию, вновь одно за другим пишутся пространные ходатайства [Чешско-Словацкий..., 2013: 660–664]. В одном из них подчеркивалось, что в новых условиях следовало признать “за чешско-словенским (так в оригинале. – **З.Н.**) народом права союзного и дружественного России народа” и право “на государственную самостоятельность”, и “впредь до установления таковой право на самоорганизацию своих сил в России”. Не менее важным было требование освобождения от плена всех тех славян, за которые поручится Союз чешско-словацких обществ или другие известные славянские организации. Третьим, но далеко не второстепенным, был пункт о подтверждении за правлением Союза права образовывать “чешско-словацкое войско”².

Радикализации политической обстановки в стране сопутствовала резкой политизации масс военнопленных, участников воинских формирований³. Добившись от нового “революционного” правительства заявления о необходимости создания после войны независимого государства чехов и словаков, российские власти, чешско-словацкие лидеры оказались перед лицом небывалой активности многих тысяч чехов и словаков. Все говорило о том, что наступали еще более сложные времена.

Более яркого свидетельства этого процесса, чем телеграмма Милюкова, трудно найти: “Приезжайте скорее для восстановления единства в среде ваших соотечественников”⁴. Обвинения “в терроре и насильственной агитации” среди военнопленных, вызывали беспокойство у всей властной вертикали⁵. Разногласия внутри

¹ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 213. Л. 77.

² АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 158–159 об. Представителем “чешскословенского” народа в международных делах назначался Масарик, вопросы, касающиеся чехов и словаков в России, должен был решать Союз.

³ На наш взгляд, именно Милюков придал дополнительный импульс процессу идейной дифференциации среди добровольцев. Ведь это он рекомендовал производить вербовку в первую очередь среди приверженцев реалистов, младочехов и национальных социалистов, то есть партий, возглавляемых Т.Г. Масариком, К. Крамаржем и В. Клофачем. Таким образом, в одно мгновение многолетняя точка зрения МИД, что в чешских землях до войны Масарик “особенной популярностью как политический деятель никогда не пользовался”, была изменена.

⁴ Это был ответ на телеграмму Масарика. Речь. 23 марта 1917 г.

⁵ В этой связи вряд ли можно охарактеризовать время с февраля по май 1917 г. (хронологически он совпадает с деятельностью первого состава Временного правительства) как “бархатный период”. Савваитова М. Д. Чешский вопрос в русском общественном мнении в период Первой мировой войны (1914 – октябрь 1917 г.). Автореф. на соиск. к.и.н. М., 1993. С. 16.

чешского движения были настолько остры, что на них вынужден был реагировать и Верховный главнокомандующий. В этой связи показательна реакция высшей военной власти в словах: “Печальная картина славянской вражды в собственных недрах даже одной национальности”¹.

На май 1917 г. пришёлся тяжёлый кризис внутри руководства чешского национального движения в России. Именно он предопределял настроения, господствовавшие у военнопленных, накануне приезда Масарика. Как уже говорилось, он прибыл 16 мая 1917 г. в Петроград из Лондона через Швецию. В российской столице он развернул активную деятельность, проведя серию встреч с российскими государственными и политическими деятелями, с послами европейских государств, военными агентами стран Антанты, лидерами сопротивления славянских стран и др. Особенно важными были контакты с Альбертом Тома, министром вооружений Третьей республики. Кроме того, посетил он Москву, Ставку Верховного главнокомандующего в Могилеве, где встретился с А.А. Брусиловым. 29 июля он приехал в Киев. В сопровождении многочисленной свиты, включавшей членов правления Отдела ЧСНС для России², Масарик посетил госпитали, в которых проходили лечение раненые участники боев у Зборова и отступления к Тернополю. 31 июля состоялась встреча с новым командующим Киевского военного округа эсером подполковником К.М. Оберучевым, назначенным Временным правительством вместо А.Н. Ходоровича.

Вечером 31 июля в доме Червенов прошли консультации с председателем Союза чешско-словацких обществ в России хирургом В. Гирсой, председателем культурно-просветительского общества Я.А. Коменского Г.Й. Йиндржишекком, политическим представителем при войске Л. Тучеком, редактором издательства “Чехослован” В. Швиговским и журналистом этого издания К. Ждярским. Шел разговор о политическом моменте и о выработке стратегии чешско-словацкого политического движения в России.

Чешские национальные организации были уже основательно дезорганизованы длительной борьбой за власть. При этом силы, ориентированные на взаимодействие с российскими правительственными структурами, явно опаздывали за бурными событиями. Исправление ситуации связывалось с Масариком, однако он сделал ставку на новых лидеров, выходцев из числа военнопленных. Существенную часть своей энергии отдал строительству чешско-словацкой армии. Об этом свидетельствует ряд подготовленных им обращений, в частности “Докладная записка о формировании Чешско-Словацких войсковых частей для русского и французского фронтов”³. Она весьма обширна по объёму и важна по содержанию. Фактически в ней обобще-

5. АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д.224. Бланк. Дипломатическая канцелярия при Верховном главнокомандующем. Ставка. 15 мая 1917 г. № 263. В Славяно-Ватиканский отдел МИД. Резолюция Верховного главнокомандующего от 11 мая 1917 г. на Докладной записке Дюриха от 2 мая 1917 г. о раздорах, царящих в среде чешских политических деятелей, работающих в России. Экземпляр этого документа был также специально адресован министру иностранных дел. Л. 31–33 об.

² Масарика сопровождали И. Клецанда, Й. Кудела, О. Червены, В. Гирса, Р. Медек и др.

³ АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 179–192. Штамп. Отделение для России Чешско-Словацкого национального совета. Петроград. Надеждинская 36. № 1004. 25 сентября 1917 г. (8 октября 1917 г.)

ны многие его наработки по этой проблеме за годы войны¹. В контексте рассматриваемого вопроса автор высказал неожиданную мысль. Он полагал, что “чешские полки с самого начала войны являлись зачинщиками особенной пассивной революции”². Даже расстрел каждого десятого в полку, не заставил их отказаться от “славянского противоавстрийского сознания”.

Масарик явно противопоставлял гражданские и военные власти, благожелательно относившиеся к чешским начинаниям. Идея создания особого чешского корпуса была настолько притягательна, что он не пожалел ни сил, ни слов, используя ссылки на яркие моменты самоотверженных действий добровольцев на фронтах войны, чтобы опровергнуть каждый из аргументов, высказанных российскими властями против формирования и стратегической опасности применения чешско-словацкого войска в будущем. Из обширного материала необходимо выделить тезис о том, что добровольческое движение имело широкий международный характер с первых дней войны.

Летом 1917 г. Т.Г. Масарик вел интенсивные переговоры с высшим военным руководством в России по поводу дальнейшей судьбы чешско-словацкого войска. Свои тревожные размышления по этому поводу он изложил в ряде записок. Общее состояние дел в стране на начало июня 1917 г. он оценивал как “хаос”. Прежде всего его тревожил вопрос о правовом и военном положении нарождавшейся армии. Как указывал Масарик, ещё в мае “фактически в один и тот же день” четыре военные инстанции пришли к разным заключениям относительно целесообразности и желательности этого войска.

Чешский политик высказал недоумение сложившейся ситуацией. Он решительно отказывался понять и принять доводы российской стороны. Лидер зарубежного сопротивления полагал, что после революции этот вопрос мог подлежать существенной переоценке. По его мнению, главная трудность состояла в том, что исходное решение о формировании чешско-словацкого войска не было исчерпывающим. Незавершенность процесса была тем более поразительной, что в то же самое время высшими сферами было одобрено постановление об участии этих частей в боях³.

В условиях быстро меняющегося внутривойскавого положения в России чехи и словаки не смогли воспользоваться позитивным отношением к своим проектам Алексея Алексеевича Брусилова. Переговоры были продолжены с Лавром Григорьевичем Корниловым, (с мая 1917 г. командующий Юго-Западным фронтом, с августа по сентябрь – Верховный главнокомандующий русской армией), а затем генералом Антоном Ивановичем Деникиным (апрель-май 1917 г. начальник Главного штаба Верховного главнокомандующего), командующим Юго-Западным фронтом.

¹ В обработанном виде, с подробными комментариями они представлены в 31-м томе сочинений Т.Г. Масарика. Masaryk T. G. Válka a revoluce. II. Články – Memoranda – Přednášky – Rozhovory. 1917. Praha. 2008.

² АВПРИ. Ф. ОПО. Оп. 474. Д. 215. Л. 180.

³ Докладная записка о чешско-словацких воинских частях. Ее перевод на чешский язык публиковался неоднократно. В новом варианте она включена в 31-й том собрания сочинений Т.Г. Масарика. См.: T.G. Masaryk. Válka a revoluce. II. Praha. 2008. S. 152-158. Здесь она представлена как Memorandum o československých vojenských jednotkách. VÚA – VNA. Praha. F. OČSNR, pres. Korespondence 1001-1800. Kr. 4. В фонде находятся копия и вариант документа с правкой Т.Г. Масарика.

В сентябре 1917 г. по распоряжению генерала Николая Николаевича Духонина началось создание Отдельного Чешско-Словацкого корпуса. В его состав входили две дивизии и запасная бригада. Их формирование шло на основе чешско-словацких частей, участвовавших в летнем наступлении на Юго-Западном фронте. После его провала они были отведены в тыл для пополнения и несения гарнизонной службы. 1-я дивизия располагалась в Волынской губернии, 2-я – в Полтавской. К осени 1917 г. в частях корпуса числилось 30 тыс. человек [Документы и материалы..., 1973: 21].

В ответ на приказ №613 об образовании Чешско-Словацкого корпуса Масарик брал на себя обязательство стараться “изо всех сил”, чтобы чехословацкие “добровольцы исполнили свой долг по отношению к России до конца”. “Мы знаем, что победа России – это наша победа”¹, – писал “преданный” начальнику штаба Верховного главнокомандующего русской армии чешский политик. Военнослужащие корпуса могли использоваться в военных действиях лишь против Германии и Австро-Венгрии. Безусловно, в этот период Масарик неизменно выступал за их успешное продолжение на Восточном фронте. Не случайно в обиходе чешских активистов широкое распространение получает такое выражение, как революционная война.

Однако все заклинания о невмешательстве чешско-словацких частей во внутренние дела в России оказались декларативными. 15 (28) октября представители Отдела Чешско-Словацкого национального совета для России и Временного правительства на Украине подписали соглашение. Согласно достигнутым договоренностям допускалось их использование для подавления волнений, “угрожающих безопасности имущества” в случае отсутствия возможности привлечь русские части².

27 октября (9 ноября) 1917 г. был издан приказ командования Чешско-Словацкого корпуса командирам 1-й и 2-й дивизий и представителям Комиссии по формированию чешско-словацких частей в связи с революционными событиями в России. В нем была жестко сформулирована мысль о безусловной недопустимости всякого вмешательства военнослужащих во внутреннюю борьбу и их вооруженное выступление на стороне какой-либо из политических партий. Во втором пункте уточнялось, что чешско-словацкие части должны были оставаться на стороне “поддержания полного порядка и содействовать всеми средствами сохранению всего”, что способствовало продолжению войны против “австро-германцев”. Генерал-майор В.Н. Шокоров, с октября 1917 г. командир Чешско-Словацкого армейского корпуса, и его комиссар проф. П. Макса требовали прекратить в районах расположения дивизий грабежи и насилие, не допускать разрушения инженерной и военной инфраструктуры [Документы и материалы..., 1973: 20–21].

Однако буквально в тот же день руководство корпуса оказалось в сложном положении. Помощник комиссара Временного правительства при штабе Юго-Западного фронта Григорьев отдал приказ о выдвижении Славянского ударного полка на Киев³. Чехословацкие подразделения действовали как часть правитель-

¹ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2.Д. 342. Л. 47. Письмо Масарика начальнику штаба Верховного главнокомандующего генерал-лейтенанту Н. Н. Духонину. 3 октября 1917 г., Петроград.

² Там же.

³ Он был передан в оперативное управление командованию чехословацких войск и включал до 500 чехов и словаков. В его составе были две чехословацкие роты, 2-й Чехословацкий стрелковый полк и артиллерийская батарея.

ственных войск. В их задачу входила не только охрана стратегических и военных объектов, но подавление вооружённого восстания против Временного правительства. Прекращение сопротивления сил, поддерживавших правительство, 30 октября (12 ноября), а затем заключение перемирия привели к тому, что чешско-словацкие части оставили Киев. 3–5 (16–18) ноября состоялся вывод войск из города.

Прокоп Макса во время переговоров с местными военными властями специально делал акцент на невмешательстве чешско-словацких частей во внутриполитическую борьбу в России “как войск, хотя и союзных, но иностранных” и протестовал против того, чтобы они стали участниками “местных политических и социальных трений”. Главным оставался принцип невмешательства “в дела внутренней русской политики”. Таким образом, в этот момент еще удавалось, согласно Масарику, отстаивать “революцию порядка и труда” и веровать, что это не национальный эгоизм, а разумная тактика, заданная обстоятельствами [Opat, 2003: 276]. Сложная внутренняя ситуация в России требовала осмысления и одновременно пугала своей непредсказуемостью. На повестке дня оказался проект “Новой Европы”.

До конца января 1918 г. Чешско-Словацкий (в прессе, публицистике и документах всё чаще он стал называться Чехословацкий) корпус находился на территории, подчиненной власти украинской Центральной Рады.

Необходимо отметить, что российскому проекту создания чешско-словацкого войска сопутствовал параллельно разрабатываемый с начала войны план формирования чешско-словацкого воинского подразделения на территории Франции. Вплоть до осени 1917-го Масарик считал целесообразным одновременное формирование чешско-словацких контингентов для Восточного и Западного фронтов. Согласно Ставки и МИД на реализацию французского плана при его активном участии было подтверждено 22 сентября (5 октября) [Чешско-Словацкий..., 2013: 797–798]. При этом он допускал, что набор добровольцев для армии Третьей республики (30 000 человек) среди военнопленных чехов и словаков, находившихся на территории России, окажется для них предпочтительнее. В свою очередь, о негативном влиянии на процесс формирования подобного корпуса в России предупреждал и Я.В. Червинка, на тот момент председатель Комиссии по формированию чешско-словацких войсковых частей. Тем не менее сам факт отправки, пусть и с огромными издержками, первого транспорта с чехами и словаками на борту (16 октября он покинул Архангельск) можно рассматривать как частичную победу дипломатического и организаторского таланта Масарика. В то же время, говоря о совместном решении союзниками задачи освобождения чехов и словаков, других славян Австро-Венгрии, он видел будущее Центральной Европы как международной проблемы, поскольку статус чехов и словаков в условиях продолжавшейся войны не был ещё точно определён и юридически запротоколирован. Также вставал вопрос о конфигурации будущих центральноевропейских государств, об их «жизнеспособности». Сопутствующий бурный ход революции в России вызывал не только «неприятное удивление», но и ставил под сомнение результаты войны, которые прежде всего связывались с образованием независимой Чехословакии. Неудивительно, что среди чехов и словаков обозначается новый подход в восприятии России и их роли в участии в её внутренних делах – невмешательство и стремление покинуть пределы, погружаемой в хаос Гражданской войны страны. Такой ход мыслей и действий становился всё более приоритетным, что и показал 1918 год.

Список литературы

- Masaryk T. G. Světová revoluce za války a ve válce 1914–1918. Praha, 1925.
Opat J. Průvodce životem a dílem T. G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes. Praha, 2003.
Ведерников М.В. Становление политических институтов русских чехов в начале Первой мировой войны // Славянский альманах. № 3–4. 2016. С. 138–150.
Документы и материалы по истории советско-чехословацких отношений. Том 1. Ноябрь 1917 г. – август 1922 г. М. 1973.
Дубек В. Динамика критики антидемократического режима. Т.Г. Масарик, Э. Бенеш и большевистская революция// Россия и Чехия. Научные, культурные и общественные связи. СПб. 2016.
Масарик Т.Г. Мировая революция. Т.1. Прага, 1926.
Фирсов Е.Ф. Т.Г. Масарик в России и борьба за независимость чехов и словаков. М., 2012.
Чешско-Словацкий (Чехословацкий) корпус.1914–1920. Документы и материалы. Том 1. Чешско-словацкие воинские формирования в России 1914–1917. М., 2013.

References

- Cheshsko-Slovackij (Chehoslovackij) korpus.1914–1920. Dokumenty i materialy. (2013). [Czech-Slovak corpus. 1914–1920. Documents and materials].
Dokumenty i materialy po istorii sovsedko-chehoslovackih otnoshenij. Tom 1. Nojabr' 1917g. – avgust 1922 g. (1973). [Documents and materials on the history of Soviet-Czechoslovak relations].
Doubek, V. (2016). Dinamika kritiki antidemokraticeskogo rezhima. T.G. Masarik, E. Benes i bol'shevistskaja revolucija [Dynamics of criticism of the anti-democratic regime. T.G. Masaryk, E. Benes and the Bolshevik Revolution]. *Rossija i Chehija. Nauchnye, kul'turnye i obshhestvennye svjazi* [Russia and Chechia. Scientific, cultural and public relations].
Masaryk, T. G. (1925). Světová revoluce za války a ve válce 1914–1918. [World revolution during War and into War 1914–1918].
Opat, J. (2003). Průvodce životem a dílem T. G. Masaryka. Česká otázka včera a dnes [Guide to T. Masaryk's life and work. The Czech question: yesterday and today].
Vedernikov M.V. Mesto Rossii vo vneshnepoliticheskoj koncepcii T.G. Masarika nakanune i v gody Pervoj mirovoj vojny [Significance of Russia for T.G. Masaryk's foreign policy conception on the eve and during WWI] // *Sovremennaja Evropa* [Contemporary Europe], 6. 2015, 122–130.
Vedernikov, M. (2016). Stanovlenie politicheskikh institutov russkikh chehov v nachale Pervoj mirovoj vojny [Establishment of political organizations of the Russian Czechs during World War I] // *Slavjanskij al'manah* [Slavic Almanakh], 3–4, 138–150.

Czechs in Russia between two revolutions: dreams, illusions and reality

Author. Nenasheva Z., assistant professor, Department of History of Southern and Western Slavs, Historical faculty in Moscow State University named after M.V. Lomonosov. **Address:** Lomonosovsky prospect 27. **E-mail:** slav-ca@yandex.ru

Abstract. The author analyses main trends in the development of the Czech liberation movement in Russia in 1917 and stresses the influence of the first revolutionary wave on the transformation of the Czech foreign actions. T.G. Masaryk is in the focus of attention as for almost 10 months he witnessed the complicated turns in the life of the country. Analysis of events and processes makes it possible to conclude that the “charming influence” of the February revolution upon “Russian Czechs” and Czech POWs was quickly replaced by the urgent necessity to solve a more important and pragmatic task – the creation of the Czech national army in the form of the Czech-Slovak Corps. Radical changes in October 1917 confirmed the key principle of non-interference in Russian affairs and also led to political and military refocusing on France.

Key words: Russian Czechs, POWs, T.G. Masaryk, Czech-Slovak Corps, revolution.